

Кульков

Книги Екатерины Вильмонт:

- Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры.
- Полоса везения, или Все мужики козлы.
- Три полуграции, или Немного о любви в конце тысячелетия.
- Хочу бабу на роликах!
- Плевать на все с гигантской секвойи. Умер-шмумер.
- Нашла себе блондина!
- Проверим на вшивость господина адвоката.
- перевозбуждение примитивной личности.
- Курица в полете.
- Здравствуй, груздь!
- Гормон счастья и прочие глупости.
- Бред сивого кобеля.
- Зеленые холмы Калифорнии. Кино и немцы.
- Два зайца, три сосны.
- Фиг с ним, с мавром! Зюзюка, или Как важно быть рыжей.
- Крутая дамочка, или Нежнее, чем польская панна.
- Подсолнухи зимой (Крутая дамочка-2).
- Зюзюка и другие (Сб.: Зюзюка, или Как важно быть рыжей; Зеленые холмы Калифорнии; Кино и немцы!).
- Дети галактики, или Чепуха на постном масле.
- Цыц!
- Девственная селедка.
- Мимолетности, или Подумаешь, бином Ньютона!
- Артистка, блин!
- Танцы с Варешкой.
- Девочка с перчиками.
- Шалый малый.
- Трепетный трепач.
- Прощайте, колибри, Хочу к воробьям!
- У меня живет жирафа.
- Черт-те что и с боку бантик.
- Интеллигент и две Риты.
- Со всей дури!
- Фиг ли нам, красивым дамам!
- Сплошная лебедеянь!
- А я дура пятая!
- Вафли по-шпионски.
- Шпионы тоже лохи.
- Дама из сугроба.
- Мужлан и флейтистка.
- Свои погрешности.
- Птицы его жизни.
- Рыжий доктор.

Екатерина
Кульковнт
Зеленые холмы
Калифорнии

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В46

Дизайн — *Екатерина Фerez*

Вильмонт, Екатерина Николаевна.
В46 Зеленые холмы Калифорнии / Екатерина Вильмонт. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 192 с. — (Про жизнь и про любовь: Екатерина Вильмонт).

ISBN 978-5-17-093899-5

Три женщины... Три судьбы... Три характера...
Мать, дочь и внучка... Для них не важны разделяющее их расстояние и вечный конфликт поколений. Каждая из них — одна с девичьим максимализмом, другая — с несладким грузом любовных неудач, третья, вроде бы защищенная мудростью прожитых лет, — стремится к одной и той же цели: найти свое настоящее женское счастье. Где же спрячется это счастье? Может быть, далеко-далеко от родного дома, среди «Зеленых холмов Калифорнии»?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093899-5

© Вильмонт Е.Н., наследники, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Стася

— Добрый вечер, могу я поговорить со Стасей? — раздался в трубке приятный баритон.

— Я вас слушаю.

— Привет, я тебе посылочку привез.

— Из Штатов, что ли?

— Ну да, от твоей мамы.

— Куда приехать?

— Ну вообще-то я и сам могу привезти.

— Супер!

— Говори адрес...

Я сказала.

— Завтра утром завезу. Часов в девять. Устроит?

— Ага.

ЭВ

ЭВ

Лёка с утра умотала на работу, а я решила наплевать на школу. Интересно же, что там опять Мамалыга прислала. Я свою родительницу Мамалыгой зову, звания мамы она не заслуживает.

Он пришел в полдесятого. Красивый — ужас, я аж затрепыхалась. А он на меня так внимательно посмотрел и почему-то ухмыльнулся. Я его сразу возненавидела. Он был взрослый, лет двадцати пяти, наверное, или даже больше и на меня смотрел как на писюху зеленую. Скотина...

— Ты Стася?

— Паспорт предъявить?

— Хочешь сказать, что у тебя уже есть паспорт?

— Мне семнадцать лет, если хотите знать!

— О, совсем старуха! На, старуха, держи!

Он протянул мне довольно большую сумку.

— Спасибо.

— А про мать спросить не хочешь?

— Чего спрашивать, и так все известно.

— Злишься на нее?

— А вам-то что?

— Значит, злишься. Впрочем, я отчасти тебя понимаю.

— На фиг вам меня понимать? И мне на фиг ваше понимание?

— У, какая колючка! Ладно, я пошел.

— Всего наилучшего.

— Бывай здорова, Стася. Ах да, я же хотел спросить: Стася — это Анастасия?

— Нет, Станислава.

— Есть такое имя?

Вот достал!

— Выходит, есть!

— Ладно, извини, пока!

Да, с именами у нас в семье обстоит круто. Бабка — Леокадия, Мамалыга — Ариадна, я — Станислава. Нехило, да? Хотя мне мое имя нравится. Оригинально. Но не глупо. Не Изабелла какая-нибудь или Клеопатра.

В дверь опять позвонили.

— Кто?

— Панна Стася, я забыл тебе еще конверт отдать.

Панна Стася! Меня как что-то стукнуло изнутри, даже живот заболел.

ЭВ

8

— Вот держи.

— Спасибо. А вас как звать?

— Меня? — почему-то здорово удивился он.

— Ну да, кого же еще!

— Игорь, а что?

— Ничего, просто спросила.

Идиот он, что ли?

— Ну пока, панна Стася.

— А вы что, там живете, в Штатах?

— Живу.

— А... ее откуда знаете? — Я кивнула на сумку.

— Ариадну? Мы с ней в одном бизнесе крутимся. У тебя, кстати, красивая мама.

Я поперхнулась, закашлялась.

А он засмеялся, да так, что у меня опять живот заболел.

— Ладно, я пошел. Там, между прочим, приглашение. — Он показал на конверт.

— Опять? Ей не надоело?

— Выходит, не надоело. А ты дура!

— Это почему?

— Разве кисло посмотреть Америку? Знаешь, какая красота у нас в Калифорнии? Ну пока!

Он ушел. А я, конечно, прибалдела от него, от этого Игоря. Вообще-то я уже была влюблена в другого Игоря, из параллельного класса, с красивой фамилией Марвич. Но рядом с американским Игорем он сразу как-то скукожился и показался мне обычным сопляком-задавакой. Этот взрослый, мужчина, он крутится в каком-то там бизнесе, в Америке, в штате Калифорния.

— Ты что, в школе не была? — удивилась Лёка.

— Не-а.

— Можно узнать почему?

— Можно. Мамалыга опять шмотки прислала.

Лёка только брови подняла.

— А письма нет?

— Есть. И приглашение.

— И ты опять его порвала?

— Не-а.

— Что это с тобой?

— Да я вот подумала... Может, стоит поехать?

— Стаська, ты издеваешься над бабкой?

— Даже не собираюсь. Она приглашение на двоих прислала, махнем?

A decorative flourish consisting of the letters 'ЕВ' in a stylized, calligraphic font.

Мать уехала в Штаты, когда мне было шесть лет. И ни разу не приезжала, только посылала тряпки и изредка деньги. Звонила регулярно, плакала в трубку, канючила, что скучает, мучается и все такое, но... А лет пять назад стала дважды в год приглашения присылать. Но я их рвала на фиг. Больно мне надо! Я обиделась на нее раз и навсегда. Чем шмотки дерьмовые посылать, могла бы хоть разок приехать. Но у нее всегда находилась тысяча причин, по которым она вот именно сейчас никак не могла себе позволить... И лет в двенадцать я решила — все, хватит, нет у меня матери и не надо. Мне и с Лёкой хорошо. Тут я точно знаю — Лёка любит меня и за себя и за мать. И Гера мне тоже за деда и за папашу, которого я и не видела никогда. Я стала называть ее Мамалыгой. Отвратительная пресная каша. Если в нее добавить кусочек сыра сулугуни, проглотить можно. В качестве сыра были посылки со шмотьем. По телефону я с ней разговаривала еле-еле, думала, ее пройма, она все бросит и приедет, а потом поняла — ничто ее не пройма. Ну и ладно. Между прочим, Лёка тоже обиделась. Но

Мамалыга ей все же дочь и она от меня эту обиду скрывает. Но я знаю...

...Обычно я Мамалыгиных писем не читаю, очень нужно! Читает Лёка. Иногда комментирует, иногда требует, чтобы я прочла. А зачем? Там всегда одно и то же: «Дорогие, любимые, простите, жить без вас не могу...» Жить она без нас не может, видали? Это она без мужиков своих жить не может. То у нее Артур какой-то был, то Джон, а то и вовсе японец. В последнее время русский эмигрант завелся, Игорь...

Когда я завалилась спать, на тумбочке письмо увидела. Значит, Лёка хочет, чтобы я его прочла.

«Солнышко мое единственное, если бы ты знала, как я тоскую, как мне стыдно и больно, что ты без меня растешь, да что там, выросла уже и влюбилась, наверное, когда ж и влюбляться, если не в семнадцать лет. Мне вот уж тридцать семь, а я все еще жду настоящей любви...»

Мне стало тошно, я это читать не хочу. Пусть ждет своей любви хоть до гроба. Дура она совсем, что ли? Я скомкала письмо и зашвырнула на шкаф. Пускай

A decorative flourish consisting of the letters 'ЕВ' in a stylized, calligraphic font.

пылится до генеральной уборки. К черту, не желаю я никакой любви. Ничего в ней нет хорошего. Никто не знает, но я один раз переспала с парнем. Гадость! И девочки все врут, что это кайф. Со всех сторон гадость!

Утром Лёка спросила:

— Прочла письмо?

— Не-а. Начала и сблеванула.

— А что насчет поездки?

— На фиг!

— Твердо?

— Тверже не бывает. Лучше в свои Мариански Лазни езжай, подлечишься, все больше толку будет.

На том мы и порешили. А на красавчика Игоря я решила забить.

Леокадия Петровна

Когда Стаська уходит в школу, я, если есть время, очень осторожно и тщательно обыскиваю ее комнату. Знаю, это некрасиво, но ничего не могу с собой поделать. Я за нее боюсь, боюсь давно, постоянно, панически. Что я ишу? Шприцы, наркотики, обгорелую ложку, противозачаточные средства — сама не знаю что. К счастью,

пока я ничего такого не находила, но береженого Бог бережет... Следов моих обысков она пока не обнаружила, иначе заката бы грандиозный скандал. Она бывает излишне резкой, даже грубой, но ведь она сирота при живой матери, отца даже я никогда не видела. Стаська сама про себя говорит, что она полукруглая соломенная сирота. Надо отдать ей должное — она девочка развитая, любит читать, и не только детективы.

Ну вот, кажется, обыскала все. Сюрпризом для меня явилось лишь то, что на сей раз она не порвала приглашение, а спрятала в стол. Неужто вдруг захотела в Америку и только из альтруизма отказывается, чтобы я могла полечиться в Марианских Лазнях? Меня эта мысль тронула до слез. А на шкафу валяются уже три скомканных письма. Давненько мы не делали генеральную уборку.

Зазвонил телефон. Бухгалтерша с нашей радиостанции.

— Леокадия Петровна, приезжайте денежки получать. Последний раз в руки даем.

— То есть как? — испугалась я.

A decorative flourish consisting of two intertwined, stylized letters, possibly 'E' and 'B', rendered in a calligraphic, cursive style.A large, vertical decorative flourish on the left side of the page, featuring a long, sweeping curve that ends in a small loop at the bottom.

— А у меня нет карточки.

— Сделаем, не проблема. Как раз и заявление напишете. Кстати, придумайте заранее какое-нибудь слово, не меньше семи букв.

— Зачем? Какое еще слово?

— Кодовое, только никому не говорите. И такое, чтобы не забыть. Все, миленькая, я вас жду с двенадцати до четырех.

Кодовое слово из семи букв? Такое, чтобы не забыть? Ариадна, чего проще! Единственная дочь, которая так бездарно, нелепо, жестоко устроила свою жизнь, сломав разом жизнь дочери и матери. Когда она упорхнула за океан, мне было всего сорок шесть, по нашим временам — не возраст. Но она думала только о себе. И что? Чего ради были все эти жертвы? Чего она там достигла, в своей Америке? Сделала карьеру? Нет. Устроила личную жизнь? Тоже нет. Менять мужиков как перчатки можно и здесь. И, по-видимому, с каждым годом шансов у нее все меньше, Дура, жестокая эгоист-

тичная дура. И это я виновата, я воспитала ее такой. Нет, я ее такой не воспитывала. Я старалась привить ей... Ах, да какая разница теперь, что я там старалась ей привить... Как говорится, что выросло, то выросло. Теперь главное — не упустить Стаську. Но почему же все-таки она не выбросила приглашение?

Ненавижу нововведения, вроде зарплаты на карточках, электронных пропусков и прочей дребедени, хотя радиослушатели считают меня вполне современной и, как выражается Стаська, «суперпродвинутой бабкой». Всю жизнь смолodu я проработала диктором Всесоюзного радио, а потом наша профессия «принакрылась медным тазом». А надо было на что-то жить и растить Стаську. Тогда я стала репетитором, подтягивала по русскому языку безграмотных компьютерных детей. Иногда мне хотелось убить этих долдонов или самой удавиться, и я твердо решила ни за что не заводить в доме компьютер, чтобы Стаська научилась читать и писать как нормальный ребенок, хотя, конечно, она клянчила и канючила, но я отвечала, что у

